

3 сентября профессор Саратовской консерватории, заведующий кафедрой духовых и ударных инструментов, заслуженный деятель искусств России Анатолий Дмитриевич Селянин отметил свой 70-летний юбилей. Результаты его плодотворной и многогранной деятельности хорошо известны не только в Саратове, в России, но и далеко за её пределами. Он постоянно находится в поездках – и по стране, и за рубежом, куда выезжает с лекциями и мастер-классами. О его международном авторитете говорит тот факт, что он является вице-президентом Евро-Международной Гильдии трубачей и лауреатом Международной премии «Award of Merit». Автор научных работ по истории исполнительства на трубе и многочисленных аранжировок для трубы, редактор нотных изданий, организатор в сфере духового исполнительства, он постоянно участвует в работе Международных конкурсов и фестивалей. Профессор Селянин является создателем и художественным руководителем уникального концертного оркестра духовых инструментов – «Волга-Бэнд».

- Анатолий Дмитриевич, за всю историю Вы первый человек из России, получивший премию «Award of Merit»?

- Да, действительно, я первый человек из России и десятый вообще в истории Гильдии, кто получил нашу трубную Нобелевскую премию – так мы её называем. Это очень красивая доска, тиснённая золотом, на которой по-английски написано: «За выдающиеся успехи в исполнительстве и педагогике и за соединение трубачей Востока и Запада». Я это говорю не к тому, что «ах, я знаменитый, ах, у меня такая доска, ах, я первый». Слава меня не интересует. Важно, что эту премию получил россиянин. И к нам сейчас отношение очень уважительное – и в Гильдии и вообще везде, где я бываю за рубежом.

- Традиционный вопрос – как складывалась Ваша творческая судьба?

- Моя фамилия Селянин означает «крестьянин». Мой дед – обыкновенный тамбовский мужик, Александр Ефремович Селянин, который не имел возможности учиться, но был настолько талантлив, что в военном полковом оркестре освоил абсолютно все инструменты. Он был дирижёром оркестра Михаила Романова, брата царя Николая II. В период борьбы за власть в Петербурге, его отправили наместником в Среднюю Азию. В Ташкенте Михаил Романов построил небольшой дворец. У него был цыганский хор и оркестр, которым мой дед руководил. Мой отец начал там играть на баритоне (это один из духовых инструментов). Позже он стал художником, закончил Бакинское художественное училище, получил направление в Ленинградскую художественную академию. Когда началась война, он, находясь на передовой, продолжал рисовать, делал наброски с натуры, фиксируя тот ужас, который происходил на войне. Он закончил войну взятием Кёнигсберга – самой трудной крепости, где погибло очень много наших людей. И всю жизнь отец играл на этом замечательном баритоне. У него был невероятно мягкий звук. Когда я нес ему баритон для игры в оркестре, за мной шла большая группа людей: «Пойдём послушаем, как Митя Селянин будет петь на баритоне». Таким образом, путь в духовую музыку был мне как бы уготован. Я рано стал играть на трубе, и в неполных девять лет – 7 мая 1945 года получил свою первую «зарплату», играя на демонстрации в колонне консервного завода. «Зарплата» – это две банки джема, которые в те годы для семьи были невероятным богатством. И вот, всю свою жизнь, шестьдесят с лишним лет, я «пускаю в трубу». Родился я в маленьком рабочем городке под Ташкентом, где было всего две русских семьи. А так – казаки, татары, узбеки, которым было совершенно не до культуры – беспросветное пьянство, поножовщина. Но, как ни странно, я закончил школу с золотой медалью и мог поступить в любой вуз Советского Союза. Сначала я сдал документы в Бауманский институт. Потом, посмотрел – «нет, это не моё» – решил пойти в институт военных дирижёров. Но понял, что и военное дело – не для меня. Вернулся в Ташкент и стал учиться музыке. Сейчас думаю, а правильно ли я сделал? Я мог бы сейчас быть директором «ООО», крупного концерна и, наверное, тоже мог бы похвастаться какой-то дачей трёхэтажной. Но, во-первых, это «не греет» меня ни с какой стороны, и, во-вторых – труба даа мне невероятно много.

- В 1996 году в нашей стране впервые был проведён международный конкурс трубачей имени Брандта. С гордостью следует упомянуть, что конкурс этот проводился в Саратове, а его руководителем были Вы. Как удалось добиться организации этого конкурса и почему он был назван именем Василия Георгиевича Брандта?

- Когда я приехал из Ташкента в Саратов, я знал, что в Саратовской консерватории работал выдающийся русский трубач, немец по национальности, Василий Георгиевич Брандт. Почему вдруг Брандт, который был дирижёром Большого театра в Москве, профессором Московской консерватории, выдающимся солистом, оставил Москву, оставил дирижёрскую профессию в Большом театре? Почему он оставил педагогику в Московской консерватории и приехал, говоря словами Грибоедова, «в деревню, в глушь, в Саратов»?

А начиналось всё так. Семнадцатилетний юноша из Германии через Финляндию непонятно на чём (тогда же не было ни самолётов, ни поездов) добрался до Москвы. Он слышал, что там объявлен конкурс на должность первого трубача. Пока он добрался до Москвы, конкурс прошёл, место было занято. Брандт попросил жюри, чтобы ему дали возможность сыграть хотя бы несколько

(г. Бюллс, Швейцария, в редакции журнала «Брасс Бюллетень»)

но нот. Ему предоставили такую возможность, и он исполнил не виртуозную пьесу и не сложный концерт. Он сыграл обыкновенный технический этюд своего сочинения (он написал 34 этюда, и посвятил их русскому трубачу немецкого происхождения – Александру Бернардовичу Гордону). И один из членов комиссии воскликнул: «Вот это звезда!». Ну, а поскольку место уже было занято, он был временно принят на вакантную должность контрафагота. Вот как прореагировала Россия на этот талант! А мы сегодня почти ничего не знаем об этом музыканте. Я написал несколько статей о нём, они опубликованы в Швейцарии, Германии, Америке. И вот, в позапрошлом году, написал, я считаю, свою лучшую статью, которая называется «России отданная жизнь». Так и есть, ведь Василий Брандт действительно отдал свою жизнь России. В Саратов он приехал по приглашению Рахманинова. Брандт воспринял его идею: в периферийной консерватории должны работать выдающиеся люди. Здесь, в Саратове, Василий Георгиевич умер в 1923 году. Напротив консерватории ранее была немецкая кирха, в которой отпевали Брандта, и весь город пришёл на похороны этого человека. Представляете, он был ещё и военным дирижёром! Его часто можно видеть на фотографиях в военной форме. Там, где сейчас располагается химическое училище, раньше Александровское училище. Брандт, который жил одно время на немецкой улице, а потом на Бабушкином взвозе, на двуколке ездил в это военное училище. Он пользовался невероятной популярностью, потому что был не только выдающимся музыкантом-педагогом, он был исключительно демократичным, русским по духу человеком. Когда он умер, композитор Константин Листов, автор знаменитой «Тачанки», «Севастопольского вальса», будучи студентом композиторского факультета Саратовской консерватории, написал «Траурно-триумфальные фанфары» для ансамбля труб и ударных. Когда я нашёл эти сведения в архиве, я позвонил в Москву Константину Яковлевичу и рассказал, что меня интересует это произведение. Он был удивлён: «Неужели помнят, неужели знают, что я в 1923 году написал такое – но ноты, наверное, во время похорон потерялись». Я говорю: «Может быть, всё-таки посмотрите?». Он отвечает: «У меня такой большой архив, а здоровья уже нет. Если Вы придёте, мы вместе, может быть, что-то найдём». И я нашёл партию третьей трубы. Листов посмотрел рукопись и сказал: «Если Вы хотите, я могу её в течение двух-трёх дней восстановить, потому что помню её всю до единой ноты». Он это сделал, и мы сыграли как бы вторую премьеру. Всемирная Гильдия трубачей напечатала эти ноты как приложение к журналу Гильдии. Таким образом мы спасли музыку, посвящённую Брандту.

Тем не менее, я думаю, что вина Саратова и России перед Брандтом очень велика. Именно вина. У нас не осталось даже места памяти – его могила была уничтожена танками. Немецкое кладбище находится за вокзалом и я

долго занимался там поисками могилы. Мне удалось найти только один кусок мрамора с несколькими буквами, по которым можно предположить, что в этом дворе (сейчас там двор, гуси ходят) была могила Брандта. Вот почему, будучи вице-президентом Евро-международной Гильдии трубачей, я предпринял большие усилия, и мы организовали первый фестиваль, посвященный Брандту в Германии, Верхней Баварии, в городе Кобурге, где он родился. Ко мне присоединился доктор Эдвард Тарр, и мы убедили мэра в необходимости организовать большой фестиваль, посвященный Брандту. Кобург – город особый, известный во всем мире. Из него вышли практически все царствующие династии Европы – и Николай II, и Мария Фёдоровна, и царь Болгарии, и принц Португалии, и английская королева. В Кобурге все занимались только историей царствующих династий. О Брандте там не знали и не думали, потому что в 17 лет он уехал из Кобурга в Гельсингфорс (ныне Хельсинки), который был тогда частью России, и никто не знал о его судьбе. Гельсингфорс был тесно связан с русской культурой. Там жил Циммерман – нотный издатель, знамениты рояли Циммермана, и Брандт начинал учиться в частной школе Циммермана. Там жил Лорцинг, который написал оперу «Царь-плотник» о Петре I, первую оперу о русской истории.

Мы организовали потрясающий фестиваль – нам даже удалось пригласить Пражский симфонический оркестр. Мы договорились с мэром, что через каждые четыре года будем повторять подобную акцию в городе, где Брандт родился, и в Саратове, где он умер. В 1996 году удалось организовать первый Международный конкурс трубачей имени Брандта в Саратове. Этот конкурс был совершенно особым. Традиционно конкурсы трубачей проводятся по той же системе, что и конкурсы пианистов, струнных – играют сочинения, написанные для трубы с оркестром, с фортепиано. Но труба, в отличие, допустим, от скрипки или фортепиано, редко выступает солирующим инструментом в сопровождении оркестра. Труба – это в основном оркестровый инструмент. Но каких высот достигают её соло в оркестровой литературе! Поэтому мы впервые провели конкурс оркестровых соло, то есть показали трубу не только как сольный инструмент, но и как оркестровый. Это произвело большое впечатление. У нас было очень авторитетное жюри – семь президентов Всемирной Гильдии трубачей и Европейской Гильдии. Поэтому никого нельзя было ни подговорить, ни «протащить». Исполнители, которые стали лауреатами и дипломантами конкурса – Витя Кисниченко, Леонид Коркин, Саша Даниленко доказали своей последующей деятельностью, что они действительно имели право быть лауреатами конкурса имени Брандта, заслужили это своим мастерством, своим талантом. Но вот после 1996 года я, к сожалению, никак не могу убедить Министерство культуры организовать второй конкурс. Ведь организованный единственный конкурс – это ещё не конкурс, это событие. Настоящий конкурс проводится регулярно, систематически. И следующий конкурс я мог бы организовать. У меня творческие и личные связи во всем мире. Сейчас моя задача, пока хватит сил, организовать для Саратова, для России второй конкурс, который бы как бы снял нашу вину перед великим немцем, отдавшим свою жизнь России.

- Анатолий Дмитриевич, мне известно, что в дореволюционные годы в России существовал журнал «Оркестр». Кстати, если я не ошибаюсь, инициатором его создания и редактором был Иван Васильевич Липаев, который одно время преподавал в только что открывшейся Саратовской консерватории историю музыки и преподавал по классу тромбона – вот такое оригинальное сочетание. Прошли многие десятилетия, и я держу в руках всероссийский журнал «Оркестр», который возродился несколько лет назад. А ведь инициатором этого возрождения были именно Вы.

Один из моих учеников – Толя Дудин, которого я нашёл в Магнитогорске стал заведующим кафедрой Университета культуры и искусства в подмосковных Химках. Ректором Университета была Киселёва. Она могла «добыть» деньги для любого мероприятия. Как-то раз я возвращался из Америки. Толя встречает меня в аэропорту Шереметево и говорит: «Анатолий Дмитриевич, деньги мы на журнал добыли и решили назвать его «Российские фанфары». Так гордо сказал, с радостью, надеясь обрадовать меня. Я ошеломлён! Какие сейчас фанфары: дирижёров нет, валторнистов нет, гобоистов нет, фаготистов нет, инструментов нет, педагогика ужасна. И потом, какие фанфары можно играть на трубе, на фаготе, это совсем другие инструменты. Нет, это не то! Мы должны возродить старинный русский журнал «Оркестр». Этот журнал выходил в 1910-1912 годы в Москве, и основателем его и главным редактором был Иван Васильевич Липаев, знаменитый тромбонист и теоретик, которого Рахманинов вместе с Брандтом пригласил в Саратовскую консерваторию преподавать тромбон и теорию музыки. Липаев приехал в Саратов, и журнал в Москве благополучно скончался в 1913 году. К счастью, журнал удалось возродить. Побывав в архиве Липаева, мы все были поражены: вопросы, которые там поднимались, сегодня были столь же злободневны – о детской духовой музыке, о музыкантах Финляндии, о новой музыке Англии. Открываешь любой журнал, и перед тобой статья о проблемах сегодняшнего дня. Сейчас у нас вышло уже семь журналов. В каждый номер я пишу статью. В одном из номеров была опубликована моя большая статья, которая называлась «Солист "Поэмы экстаза"», о замечательном первом трубаче оркестра Ленинградской филармонии Евгения Александровича Мравинского Вениамине Савельевиче Марголине. Другая статья тоже была о петербургском музыканте Данииле Гинецинском, солисте

Мариинского театра, которая называлась «Последний рыцарь корнет-а-пистона». Сейчас написал большую статью, которая называется «Brassfest в Массачусетсе».

- Анатолий Дмитриевич, расскажите пожалуйста о Международной Гильдии трубачей, членом директората которой Вы являетесь.

Так сложилось, что я уже третий срок (хотя это незаконно) являюсь членом директората международной Гильдии трубачей. Мои коллеги никак не могут найти ещё одного «психа» из России, который мог бы выйти и три часа разговаривать по-английски с аудиторией. Дело в том, что каждый год проходит конференция. Гильдия существует уже 35 лет, и каждый год конференция проходит в разных странах. Очень хотят и в Россию, но наши чиновники не проявляют никакого интереса и не хотят принять у себя «Олимпийские игры» духовых. Это необъяснимая странность, тупость, провинциализм! Мы организовали Российскую Гильдию трубачей, но москвичи благополучно потратили деньги, отпущенные Гильдией, поэтому Российской Гильдии не существует. Как член директората я обязан быть на собраниях каждой Гильдии. В прошлом году, по просьбе Гильдии, кроме мастер-класса, я прочитал большую лекцию на тему «Методика воспитания «русского звука». Ведь это только кажется, что все на трубе играют одинаково. К примеру, по немецкой или чешской методике нельзя сыграть по-настоящему «Поэму экстаза» – нет такого бриллиантового, мощного, фантастического звука. Поэтому их интересует, как русские могут добиваться такого звука. В этом году у меня была лекция «Популярные дыхательные системы мира. Pro et contra». В любой исполнительской школе есть свои pro et contra, и когда я говорил о дыхательных системах наших учёных – Бутейко, Стрельниковой, для моих зарубежных слушателей это было подлинным шоком. А когда я отказывался от каких-то позиций, сложившихся в западных школах, для них это было странно: как это русский может отказываться от того, чему нас учили с детства?

- Три года назад у Вас в Нью-Йорке вышла очень большая книга?

Да, книга в 608 страниц, выпущена в Нью-Йорке (я её написал вместе с доктором Эдвардом Тарром), называется она «Запад встречает Восток». Это академическое издание, которое есть во всех библиотеках мира, и 80 процентов этой книги посвящено России, в том числе Брандту, Саратову. До сих пор ко мне на конференции бросаются люди с объятиями: «Мы прочитали эту книгу, мы же ничего об этом не знали, там столько нового». Ещё есть двухтомник – с одним канадским трубачом мы сделали международную дискографию для трубы, которой пользуются во всех университетах мира.

- Насколько я знаю, по своему консерваторскому диплому Вы – исполнитель на трубе. С какой публикой Вам приходилось встречаться?

Вы не можете представить, сколько было интересных встреч! 25 лет я отдал квинтету имени Брандта. Мой первый квинтет в Ташкентской опере, в котором я проработал много лет, был первым коллективом музыкантов, допущенным на Байконур. Мы играли для солдат, которые в степи, под ветром, под спелящим солнцем участвуют в запуске, гибнут. Мы играли брасс-квинтетом, который они никогда не видели. Пять человек выходят и вдруг... Я спрашиваю: «А можно ли играть Баха?» «Да, пожалуйста!» Я очень сомневался, будет ли интересен Бах этим людям в стёганках, покрытых пылью, в кирзовых сапогах, небритых, обветренных... Но я вам скажу, что большего успеха у этого квинтета, чем выступление на Байконуре, не было. Были успешные концерты в Инсбруке, в Зальцбурге, во многих городах. Но лично я вспоминаю успех у солдат Байконура. Мы играли для Фиделя Кастро, для Бен Белла, первого президента Алжира, для Гамала Абдель Насера, для Ганди, У Ну – президента Бирмы и многих других. Последние выступления состоялись во время переговоров между Индией и Пакистаном о прекращении войны, которые шли в Ташкенте при посредстве Косыгина. Мы играли каждый вечер, и после концерта Косыгин подходил ко мне, жал руку как концертмейстеру медной группы, потом скрипачу, потом дирижёру. Дирижёры очень обижались. А я объяснял: «Это вызвано любовью к трубе». Как-то произошёл случай уникальный. Я занимался вечером, перед концертом и вдруг в дверях появился Юрий Алексеевич Гагарин. Я говорю: «Юрий Алексеевич, вы что-то ищете?» «Нет-нет, я пришёл на звуки трубы, я ведь тоже трубач». «Как трубач?» – удивился я. «Да, в Саратове, в индустриальном техникуме я играл в оркестре партию первой трубы. А можно мы с вами вдвоём поиграем?». И мы минут семь играли с ним дуэтом. Я тогда ещё не знал, что окажусь в Саратове, где он учился и приземлился.

- А теперь о Вашей собственной педагогической деятельности. Ведь Вы являетесь заведующим кафедрой духовых и ударных инструментов Саратовской консерватории, у Вас большой класс трубы, и выпускников этого класса мы можем встретить во многих оркестровых коллективах – как российских, так и зарубежных.

По поводу огромного класса я бы сейчас остерёлся. Время пришло такое, что родители предпочитают отдавать детей в юридический или в экономический институт, чтобы их будущее было материально стабильным. И в самом деле, полный абсурд: нужно сначала в самостоятельном коллективе поиграть, окончить музыкальную школу и училище, потом пять лет учиться в

консерватории, затем в аспирантуре, участвовать в исполнительском конкурсе и, в результате, получить 10 или 11-ю категорию с зарплатой более низкой, чем у любого водителя грузовика. Сейчас наступила настоящая катастрофа. У нас нет исполнителей на гобоях, фаготах, валторнах.

Исполнительский уровень на других инструментах тоже очень низкий. Для меня важны две вещи. Во-первых, социальный аспект. У нас до сих пор примерно 80 процентов безотцовщины. И именно духовая музыка спасает этих детей от подворотни – от наркотиков, от пьянства, от бандитизма. Далее, дети приходят не очень образованными, с ними трудно заниматься. Но у нас есть преимущество: если пианиста или скрипача в шесть, а то и в пять лет тянут за руку в музыкальную школу, то наши дети приходят в музыку уже в возрасте 12-13 лет и даже позже. Это их сознательный выбор, поэтому они двигаются вперёд очень быстро. «Волга-Бэнд» в этом отношении абсолютно уникальный коллектив, потому что, поработав с хорошими дирижёрами, с хорошими программами 5-6 лет, саратовские исполнители едут в Питер, в Москву, участвуют в конкурсах, занимают хорошие должности. Всё это даёт духовая музыка.

- Анатолий Дмитриевич, каково состояние духовой школы сегодня?

Каждый день приходится слышать о наркомании, воровстве, бандитизме... Это потому, что детьми никто не занимается. Был у нас замечательный бывший военный дирижёр Анатолий Лопатников, который руководил оркестром в Энгельсе. Он ездил на электричке через мост и видел, как ребята ножками режут сиденья в вагоне электрички. Он подходил к ним, начинал с ними разговаривать... «А что нам делать?» «Пойдёмте со мной на репетицию, посидите». И очень многих ребят он спас. Духовая музыка всегда спасала людей, потому что этой музыкой всегда занимались люди из неблагополучных семей. Сейчас всё осталось так же, как и было. Вот фотография первого набора класса Брандта – тоже небольшое количество студентов. Там есть и дети, и взрослые, железнодорожник и военный. Набор в класс духовых инструментов всегда был проблемой. Большая заслуга Саратова в том, что мы сумели убедить власти создать специализированную духовую школу. И то, что у нас такая школа есть – великое благо для наших детей.

- Кстати, а Ваша дочь Ольга тоже занимается музыкой?

Моя дочь Ольга начинала как музыкант. Она с отличием закончила музыкальное училище по фортепиано у Анатолия Александровича Скрипаля. Но затем поступила на романо-германский факультет университета, блестяще овладела английским языком. Сейчас живёт в Америке и является вице-президентом крупного банка. Многим не нравится, когда я выражаю своё восхищение организацией жизни в Америке, но я бываю и работаю там 24 года. Часто задают вопрос: почему бы вам не переехать в Америку? Но почему я должен уезжать из своей страны? Да, там хорошо, но не можем мы все из своей страны уехать. Здесь я родился, учился, здесь мои друзья, могилы моих родителей, родителей моей жены, наши корни русские, менталитет русский. Я хочу что-то в остаток жизни сделать для России, а не для Америки. Я приезжаю в Америку, выступаю на конференции, получаю много положительных эмоций, но обязательно возвращаюсь сюда – продолжать тяжёлую работу с нашей безотцовщиной.

- Ваша супруга Лариса Андреевна разделяет Ваши взгляды?

Конечно. У меня в консерватории был педагог Василий Фёдорович Пулатов – детдомовский. Его жена – простая женщина из Брянска, сделала из этого беспризорного мальчишки профессора, закончившего аспирантуру Московской консерватории. На его 60-летию, когда я шёл к трибуне поздравлять его, у меня родился афоризм, которым я горжусь: «Ни один трубач не состоит, если ему

не повезёт с женой». Разумеется, слово «трубач» можно заменить на любое другое – скрипач, пианист, фаготист, кто угодно. Но сейчас я говорю о трубачах. Мы вместе с женой 48 лет. Я думаю, что это первый большой выигрыш в моей жизни. Второй – то, что в моей жизни был величайший не только музыкант, но и человек – Тимофей Александрович Докшицер. Я о нём написал несколько статей. Мой младший внук – Тимофей, назван в честь Тимофея Александровича, общение с которым я считаю фантастическим выигрышем в моей жизни.

- Чем в жизни для Вас является труба?

Я был членом жюри самого знаменитого конкурса трубачей в мире – имени Мориса Андре в Париже. По протоколу, после окончания конкурса, президент Франции Жак Ширак должен был встретиться с членами жюри. Каждому было выделено по три минуты. И вдруг Жак Ширак со мной разговаривает 30 минут! Вы знаете, о чём мы разговаривали? В этот год Ширак получил международную премию как переводчик иностранной литературы на французский язык. Он перевёл почти всего Лермонтова. И он мне читал Лермонтова, а я читал Лермонтова ему. И он слушал музыку языка и пытался понять, «попал» ли он в тональность французского языка с русского. Эту встречу мне подарила опять-таки труба. Я многое могу рассказать о том, что мне в жизни дала труба. Во-первых, в Америку я попал во время второго Карибского кризиса. Наши самолёты не летали в Америку; министр иностранных дел Громыко отказался поехать в ООН на заседание; академик Арбатов, директор института США и Канады не получает визу. А я, провинциальный музыкант из какого-то города на Волге, прилетаю в Майами и работаю в десяти университетах. На сцену Флоридского университета советский человек не выходил никогда в жизни. И битком набитая аудитория смотрела на меня испуганными глазами, потому что им сказали: «Приехал тут советский, он сейчас вас будет агитировать вступить в коммунистическую партию, будьте осторожны». Почувствовав это, я бросил свой доклад и говорю: «Я знаю, что хочу вам сказать. Но не уверен, что вы хотите слышать. Задайте 20-30 вопросов, я пойму ваши интересы – человеческие, научные, профессиональные, и мы начнём говорить». Обычную вещь я сказал, но в аудитории был полный шок. И до сих пор помню первый вопрос – тоненькая девушка встаёт и говорит: «Скажите, пожалуйста, новый генеральный секретарь в России Андропов, говорят, играет на рояле, может быть теперь в Советском Союзе разрешат слушать джаз?» Я говорю: «Что значит, разрешат слушать джаз? Я десять лет до работы в оперном театре играл в биг-бэнде. Давайте говорить о джазе, я готов с вами говорить о Каунте Бейси, об Эллингтоне». Или такое. На конкурсе Мориса Андре, о котором я упоминал, довелось две недели в одной комнате заниматься с Диззи Гиллеспи. Вот так музыка объединяет людей. То, что сделал музыкант из русской провинции не могут сделать политики... Музыканты, деятели искусства идут всегда впереди политики, если они имеют подлинно профессиональную позицию. Это всё мне дала труба. Скромный инструмент, но очень дорогой мне. Я могу присоединиться к эпиграфу Фрэнсиса Бэкона, который он взял для своего главного философского труда: «Я всего лишь трубач, я не участвую в битве, и моя труба не зовёт к взаимным распрям или ссорам, а она зовёт к тому, чтобы, объединившись, встать с какими-то силами на борьбу с природой, овладеть её неприступными крепостями и раздвинуть границы человеческого могущества». Вот назначение трубы. И я счастлив, что я песчинка в этом бесконечном процессе. 70 лет «в трубу» – и вот здесь, в этом прекрасном классе, в замечательной консерватории, в старинном русском городе. Что ещё человеку нужно?

Беседовала Галина Демченко

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

В областном конкурсе научных работ студентов высших учебных заведений «Студенческая наука», проводимом Министерством образования Саратовской области в феврале-июне 2007 г., третье место по гуманитарному направлению заняла работа студентки 5 курса СГК Марии Трошиной (руководитель – доцент кафедры истории музыки А.Г.Хачаянц).

Тема конкурсной работы – «Церковно-певческая книга Трезвоны: структурные и музыкально-стилистические особенности (на материале рукописного собрания библиотеки Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского)». Конкурсная работа М.Трошиной, как и ее дипломное исследование, посвящена рукописным богослужебным книгам определенного типа – Трезвонам. Как самостоятельный тип эта книга сформировалась довольно поздно – к XVII в. и оказалась в стороне от основного русла музыкально-медиевистских «штудий». В рукописном собрании научной библиотеки Саратовского университета обнаружено 15 рукописных Трезвонов XVII-XIX вв. Студентка охарактеризовала типологические свойства Трезвонов – историю складывания в самостоятельный книжный тип, особенности самоназвания, место в богослужебной практике, в церковном календарном цикле, состав служб, структуру. Так выяснилось, что книга содержит праздничные службы, посвященные почитаемым святым и особо чтимым Богородичным иконам. История книги, таким образом, отражает историю русской церкви в прославлении чудотворных икон и в практике канонизации русских святых. Удалось определить структурные свойства книги, что всегда вызывает трудности при работе с рукописными источниками. Студентка выявила два способа структуризации данного книжного памятника: 1) расположение служб в порядке их следования в церковном календаре и 2) расположение служб в «иерархическом» порядке. Особый интерес представляет самоназвание книги, которое отражает тип колокольного звона («Трезвон»), сопровождающего праздничные богослужения. Тщательный анализ музыкально-стилистических свойств песнопений, составляющих службы Трезвонов, позволил говорить об их соответствии праздничному предназначению: особый силлабо-мелизматический стиль, наличие длительных внутрислоговых распевов, а также нескольких вариантов распевов на один текст.

В работе дана кодицилогическая характеристика исследуемых книжных памятников: внешний вид (формат, переплет), особенности внутреннего оформления, украшения, сопроводительные сведения (писцовые и владельческие записи, пометы певчих).

Исследование Трошиной, представленное к конкурсу, было снабжено иллюстрациями (книжными миниатюрами и фрагментами песнопений), а также нотным сопровождением – собственноручной расшивкой песнопения из службы иконе Богородицы «Казанской». Оригинальность и подлинность источников, большая историческая и духовная значимость объекта исследования позволили членам жюри присвоить работе М.Трошиной призовое место.

Доцент кафедры истории музыки Хачаянц А.Г.